

Глава 1

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

Правда ли, что в ссылку отправились 15 миллионов крестьян?

Минуло уже более восьми десятилетий с тех пор, как в 1930 году началась сплошная коллективизация крестьянских хозяйств, и как бы к этому сейчас ни относиться, она коренным образом изменила пути развития и уклад жизни деревни, стала важной судьбоносной вехой в истории нашей страны.

Не следует изображать дело так, что проведение радикальных социально-экономических преобразований в деревне вопреки воле и желанию большинства крестьян будто бы является большевистским изобретением. *Такой подход к крестьянству находится в русле многовековых российских традиций.* В эпоху крепостного права и после его отмены поземельные отношения регулировались посредством административного ресурса, а любые протестные проявления подавлялись по преимуществу мерами карательного характера. Такие острейшие протестные проявления, как разинщина или пугачевщина, в природе происхождения которых далеко не последнее место занимало недовольство существующими поземельными отношениями, подавлялись с особой жестокостью.

В современной литературе высказывается ряд оригинальных идей, некоторые из которых, мягко говоря, озадачивают. Чего стоят, например, определения, что система колхозов и совхозов есть якобы АгроГУЛАГ. Полагаем, не нужно объяснять, что такое ГУЛАГ и что такое организация сельскохозяйственного производства в форме колхозов и совхозов. Это же совершенно разные вещи. По нашему убеждению, по-

добные псевдоноваторские идеи следует решительно отметить как несостоятельные.

Довольно странно звучат также призывы вернуться к системе мелких единоличных хозяйств, существовавших до коллективизации. По всем канонам экономической науки колхоз при всех его недостатках по сравнению с мелким единоличным хозяйством — это значительно более передовая, более прогрессивная форма сельскохозяйственного производства.

Приведем такое образное сравнение. Допустим, археологи выявили какую-то археологическую культуру, носители которой достигли уровня бронзового века и вдруг на каком-то этапе утратили технику обработки металлов и откатились назад, в каменный век. Это регресс. Примерно то же самое означают и призывы вернуться к системе единоличных хозяйств периода 1920-х годов — пятиться назад, а надо, наверное, все-таки двигаться вперед. Правда, впереди много туманного и неясного относительно перспектив развития сельского хозяйства.

Имеющие место в литературе и публицистике исключительно негативные оценки колхозам и совхозам зачастую даются безотносительно к общеисторическому контексту, без учета реалий соответствующей исторической эпохи. Как-то забывается, что в ту историческую эпоху, когда функционировала колхозно-совхозная система, наша страна сделала мощнейший индустриальный рывок, одержала победу в Великой Отечественной войне, превратилась в ядерную державу, вышла в космос.

Конечно, советская литература в силу известных причин была нашпигована всякого рода идеологическими штампами, шаблонами и стереотипами. Однако и в постсоветской литературе наблюдается нечто подобное, но, как правило, с противоположным знаком. Например, если советская литература была стереотипно антикулацкой, то постсоветская — не менее стереотипно прокулацкой.

Распространено мнение, что колхозно-совхозная система, положительно проявившая себя на определенных исторических этапах, тем не менее в долговременной историче-

ской перспективе оказалась тупиковой, не способной решить продовольственную проблему в стране, что и обусловило ее кризис на рубеже 80—90-х годов XX века. Возможно, это и так, но нельзя забывать, что будь фермерские хозяйства на месте колхозов, то их в таких условиях неизбежно ожидало бы массовое банкротство, но колхозно-совхозная система в силу своей организации ухитрялась выживать. Во всяком случае, от этого немаловажного фактора нельзя абстрагироваться при оценке системы колхозов и совхозов и ее места и значения в отечественной аграрной истории.

Как известно, коллективизация сельского хозяйства в 1929—1933 годах сопровождалась раскулачиванием. В конце 1929 — начале 1930 года в некоторых краях и областях по решениям местных органов власти началось выселение кулаков за пределы области (края) с конфискацией имущества. В дальнейшем раскулачивание приняло более широкие масштабы. Кулаки были разделены на три категории: первая — контрреволюционный актив: кулаки, активно противодействующие организации колхозов, бегущие с постоянного места жительства и переходящие на нелегальное положение; вторая — наиболее богатые кулаки, местные кулацкие авторитеты, являющиеся оплотом кулацкого антисоветского актива; третья — остальные кулаки. На практике выселению с конфискацией имущества подвергались не только кулаки, но и так называемые подкулачники, т. е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные в прокулацких и антиколхозных действиях.

Главы кулацких семей первой категории арестовывались, и дела об их действиях передавались на рассмотрение спецтроек в составе представителей ПП (полномочное представительство) ОГПУ, обкомов (крайкомов) ВКП(б) и прокуратуры. Кулаки, отнесенные к третьей категории, как правило, переселялись внутри области или края, т. е. не направлялись на спецпоселение.

Раскулаченные крестьяне второй категории и семьи кулаков первой категории выселялись в отдаленные районы страны на спецпоселение, или трудпоселение (иначе это называлось «кулацкой ссылкой», или «трудовой ссылкой»). В справ-

ке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ под названием «Сведения о высланном кулачестве в 1930—1931 годах» указывалось, что в это время было отправлено на спецпоселение 381 173 семьи общей численностью 1 803 392 человека. В этом же документе представлена статистика выселенных семей по регионам¹.

До 1934 года крестьяне, отправленные в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, в 1934—1944 годах — трудпоселенцами, с марта 1944 года — снова спецпереселенцами (с 1949 года — спецпоселенцами) контингента «бывшие кулаки». Во второй половине 30-х годов наряду с названием «трудпоселенцы» продолжал употребляться и термин «спецпереселенцы» (как на бытовом уровне, так и в официальных документах).

Идея спецпоселенчества была впервые сформулирована в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) о выселении раскулачиваемых от 30 января 1930 года. В той части постановления, где речь шла о высылке кулаков в Северный край, Сибирь, Урал и Казахстан, имелось добавление: «Высылаемые кулаки подлежат расселению в этих районах небольшими поселками, которые управляются назначаемыми комендантами». И здесь же отмечалось: «Районами высылки должны быть необжитые и малообжитые местности с использованием высылаемых на сельскохозяйственных работах или промыслах (лес, рыба и пр.)»².

Термин «спецпереселенцы», трансформировавшийся в конце 1940-х годов в «спецпоселенцы», обязан своим появлением «творчеству» комиссий В. В. Шмидта и В. Н. Толмачева. В апреле 1930 года была создана Всесоюзная комиссия «по устройству выселяемых кулаков» во главе с зам. председателя СНК СССР В. В. Шмидтом, а на российском республиканском уровне аналогичную по функциям комиссию возглавлял зам. наркома внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачев. В первых протоколах этих комиссий сначала употреблялся термин «выселяемые кулаки», потом — «переселяемые кулаки», затем — «кулаки—переселенцы», и, наконец, в протоколе № 5 заседания комиссии Толмачева от 9 июня 1930 года впервые поя-

вилось обозначение «спецпереселенцы»³. По-видимому, оно «наверху» всем понравилось, поскольку сразу же прочно вошло в тогдашний специфический лексикон.

Казалось бы, ситуация со статистикой направленного в 1930—1931 годах на спецпоселение кулачества предельно ясная. Однако в 2003 году в журнале «Вопросы истории» вышла статья В. П. Данилова, в которой утверждается, что «общая численность спецпереселенцев на 30 сентября 1931 года составила 517 665 семей, насчитывающих 2 437 062 человека»⁴. Откуда же взялись эти цифры, не фигурирующие ни в одном из известных науке документов? Оказывается, их вывел сам Данилов, исходя из ошибочного представления, что переселенные внутри областей (136 639 семей, 633 670 человек) якобы не входят в общую статистику высланного кулачества. Поэтому он произвел такие арифметические действия: в семьях — $381\,026 + 136\,639 = 517\,665$; в людях — $1\,803\,392 + 633\,670 = 2\,437\,062$. Эти расчеты, конечно же, являются грубой ошибкой и серьезным искажением реальной картины. Переселенные внутри областей входят в общую статистику высланного кулачества, и, следовательно, расчет следует вести такой: всего выслано в 1930—1931 годах 381 026 семей (1 803 392 человека), из них 136 639 семей (633 670 человек) расселено внутри областей. Данные таблицы 1 не оставляют ни малейших сомнений на этот счет.

Для тех же, кто по-прежнему усматривает в «статистике Данилова» некое «серьезное научное открытие», еще более детально демонстрируем, как реально выглядят эти «расчеты»: в семьях — $244\,387 + 136\,639 + 136\,639 = 517\,665$; в людях — $1\,169\,722 + 633\,670 + 633\,670 = 2\,437\,062$. Тут уже совершенно ясно, что мы имеем дело не с «научным открытием», а с нелепой арифметической ошибкой. В обоих случаях одно из слагаемых приплюсовано дважды (видимо, по рассеянности). Конечно, В. П. Данилов не преследовал цель умышленно сфальсифицировать статистику — это досадное недоразумение, в целом совершенно не характерное для его научной деятельности.

Таблица 1. Межобластное и внутриобластное распределение направленного в «кулацкую ссылку» крестьянства в 1930—1931 годах*.

Откуда выселены	В том числе:					
	Всего		направлено в др. области		Размещено внутри областей	
	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.
1	2	3	4	5	6	7
Украинская ССР	63 720	277 465	63 720	277 465	—	—
Северный Кавказ	38 404	171 933	25 995	123 235	12 409	48 698
Нижняя Волга	30 933	152 099	30 933	152 099	—	—
Средняя Волга	23 006	119 913	20 506	107 413	2 500	12 500
Центрально-Черноземная область (ЦЧО)	26 006	130 493	26 006	130 493	—	—
Белорусская ССР	15 724	73 415	15 724	73 415	—	—
Крым	4 325	19 200	4 325	19 200	—	—
Татарская АССР	9 424	50 409	9 424	50 409	—	—
Урал	28 394	136 602	1 540	8 555	26 854	128 047
Нижегородский край	9 169	42 765	7 672	36 449	1 497	6 316
Западная обл.	7 308	36 654	7 308	36 654	—	—
Башкирия	12 820	66 477	6 820	36 477	6 000	30 000
Северный край	3 061	15 305	—	—	3 061	15 305
Ивановская промышл. обл.	3 655	18 020	3 655	18 020	—	—
Московская обл.	10 813	52 868	10 813	52 868	—	—
Ленинградский военный округ (ЛВО)	8 604	37 286	3 260	14 375	5 344	22 911
Дальневосточный край	2 922	14 567	—	—	2 922	14 567
Западная Сибирь	52 091	237 729	—	—	52 091	237 729
Восточная Сибирь	16 068	77 064	—	—	16 068	77 064
Средняя Азия	6 944	33 278	5 816	27 638	1 128	5 640
Казахстан	6 765	34 898	—	—	6 765	34 898
Закавказье	870	4 957	870	4 957	—	—
ИТОГО	381 026	1 803 392	244 387	1 169 722	136 639	633 670

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205; Советская деревня глазами ОГПУ — НКВД: Документы и материалы. Т. 3. Кн. 1. М., 2003. С. 771—772.

В перспективе в ходе дальнейшего исследования реально возможны незначительные уточнения содержащихся в настоящей статье отдельных статистических показателей, но не влияющих на их масштаб. Поэтому встречающуюся в литературе и публицистике статистику принципиально иного масштаба можно смело квалифицировать как недостоверную.

Отсюда мы вынуждены опровергнуть и один из основных статистических постулатов А. И. Солженицына, согласно которому при раскулачивании в 1929—1930 годах было направлено «в тундру и тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как-то и не поболее)»⁵. Эта «статистика» (разумеется, чисто интуитивная, без опоры на какие-либо документы) присутствует в его знаменитом труде «Архипелаг ГУЛАГ». Здесь допущено преувеличение более чем в семь раз.

В 1932—1933 годах на спецпоселение поступило еще свыше 300 тыс. человек, подавляющее большинство которых составляли раскулаченные крестьяне. Таким образом, всего за 1929—1933 годы в «кулацкую ссылку» было направлено более 2,1 млн человек. Однако наличие этих людей на спецпоселении (трудпоселении) на определенные даты всегда было значительно ниже указанного числа из-за большой убыли (массовые побег, высокая смертность, освобождение «неправильно высланных» и др.). По состоянию на 1 января каждого года численность спецпереселенцев (трудпоселенцев) в 1932—1940 годах выглядела так: 1932 год — 1 317 022, 1933 год — 1 142 084, 1934 год — 1 072 546, 1935 год — 973 693, 1936 год — 1 060 361, 1937 год — 1 053 137, 1938 год — 1 010 749, 1939 год — 987 918, 1940 год — 997 513 человек⁶.

К началу 1932 года на учете в «кулацкой ссылке» числилось свыше 1,3 млн спецпереселенцев, а было их направлено туда в 1930—1931 годах немногим более 1,8 млн. Следовательно, за 1930—1931 годы убыль составила около 0,5 млн человек. В документах нет указаний на то, из каких компонентов слагалась эта убыль. Конечно, не вызывает сомнений, что главными компонентами являлись побег и смертность. Причем, как правило, на первом месте по численно-

сти находились бежавшие, на втором — умершие. Например, в 1930—1931 годах в систему уральских трестов «Западолес» и «Свердлес» было передано 130 613 спецпереселенцев, из них к середине 1934 года 60 214 бежало и 31 240 умерло⁷. Это же подтверждают и имеющиеся у нас сведения по отдельным районам. В Коми-Пермяцком округе из 26 964 спецпереселенцев к середине 1934 года бежало 8904 и умерло 7249, в Чердынском районе Свердловской области из 20 323 — соответственно 7993 и 4182 и т. д. Такая ситуация, при которой число умерших было больше количества бежавших, тоже не была редкостью. Так, в Ныробском районе Свердловской области за тот же срок из 12 184 спецпереселенцев бежало 2474 и умерло 3853, в Красновишерском районе из 17 312 — соответственно 3282 и 6300 человек⁸.

Из указанной убыли за 1930—1931 годы (0,5 млн человек) число умерших составляло, по нашим оценкам, не более 200 тыс. (включая умерших при транспортировке в «кулацкую ссылку» из родных сел и деревень). Относительно умерших в «кулацкой ссылке» в 1932—1940 годах имеется точная статистика — 389 521 человек. Количество родившихся в спецпереселенческих семьях в 1930—1931 годы не представляется возможным установить даже приблизительно, а за 1932—1940 годы этот показатель составил 230 258 человек. Причем отрицательное сальдо между рождаемостью и смертностью сохранялось в «кулацкой ссылке» до 1934 года включительно (см. табл. 2).

В момент прибытия на спецпоселение сотрудники органов ОГПУ — НКВД нередко производили сортировку выселенных кулаков. Одни из них освобождались, другие направлялись в лагеря ГУЛАГа, но большинство оставалось на спецпоселении. В рапорте от 20 мая 1933 года начальник ГУЛАГа М. Д. Берман докладывал заместителям председателя ОГПУ Я. С. Агранову и Г. Е. Прокофьеву: «По сообщению СИБЛАГа ОГПУ, из числа прибывших в Томск контингентов с Северного Кавказа, по состоянию на 20 мая с.г., произведена согласно Ваших указаний проверка 9868 человек. Из этого количе-

ства решением Тройки ПП ОГПУ ЗСК вовсе освобождено — 85 человек, освобождено с ограничениями — 2422, осуждено в лагеря — 64, а остальные 7297 человек направляются в трудпоселки»⁹.

Много людей умирало в пути следования в «кулацкую ссылку». В одном из рапортов М. Д. Бермана на имя Г. Г. Ягоды отмечалось (май 1933 года): «Несмотря на Ваши неоднократные указания ПП ОГПУ СКК о порядке комплектования и организации эшелонов, направляемых в лагеря и трудпоселки ОГПУ, состояние вновь прибывающих эшелонов совершенно неблагополучное. Во всех прибывающих из Северного Кавказа эшелонах отмечена исключительно высокая смертность и заболеваемость, преимущественно сыпным тифом и острожелудочными заболеваниями.

По сообщению Нач. Сиблага ОГПУ, из состава прибывших из Сев. Кавказа в Новосибирск эшелонов трудпоселенцев № 24, 25, 26, 27, 28 и 29 общей численностью в 10 185 человек умер в пути 341 человек, т. е. 3,3%, в том числе значительное количество от истощения. Такая высокая смертность объясняется:

1) преступно-халатным отношением к отбору контингентов, выселяемых в трудпоселки, результатом чего явилось включение в этапы больных, стариков, явно не могущих по состоянию здоровья выдержать длительную перевозку;

2) невыполнением указаний директивных органов о выделении выселяемым в трудпоселки 2-месячного запаса продовольствия; в указанных эшелонах трудпоселенцы никаких собственных запасов продовольствия не имели и во время пути снабжались только хлебом скверного качества в количестве от 200 до 400 грамм;

3) горячей пищей эшелоны снабжены не были, кипятком снабжались совершенно неудовлетворительно, с большими перебоями, потребление сырой воды вызвало массовые заболевания...»¹⁰.

Существовал предельно прагматический взгляд на выселяемых кулаков как на будущую рабсилу в районах ново-

го хозяйственного освоения. Отсюда полная непреклонность при рассмотрении просьб трудоспособных кулаков не выселять их в отдаленные края и очевидная либеральность, если эти просьбы исходили от нетрудоспособных лиц. Так, в «меморандуме» Г. Г. Ягоды, адресованном 20 мая 1931 года председателю ГПУ Белорусской ССР С. Ф. Реденсу, указывалось: «Детей выселяемых кулаков до 10-летнего возраста и стариков старше 65 лет разрешается оставлять родственникам и знакомым, изъявившим желание их содержать... Семьи кулаков, не имеющие трудоспособных мужчин, выселению не подлежат»¹¹.

Однако на практике такие указания сплошь и рядом не выполнялись. В рапорте зам. начальника ГУЛАГа И. И. Плинера от 26 июля 1933 года на имя Г. Г. Ягоды отмечалось: «Вопреки Вашим категорическим указаниям о ненаправлении в трудпоселки семей, не имеющих в своем составе трудоспособных, по сообщению начальника СИБЛАГа, в эшелонах с высланными кулаками, прибывших в Томск с Северного Кавказа, имеется 930 человек совершенно нетрудоспособных...»¹².

В рапорте М. Д. Бермана от 8 июня 1933 года на имя Г. Г. Ягоды отмечались следующие неблагоприятные, по его мнению, моменты в комплектовании и организации эшелонов с высланными кулаками: высокая смертность и заболеваемость сыпным тифом, острожелудочными заболеваниями и даже натуральной оспой; очень много истощенных, стариков, не могущих быть совершенно использованными; поголовная вшивость; полнейшее пренебрежение к учету (отсутствии личных дел, постановлений о выселении, искажения фамилий, неполнота учетных данных и т. п.); даже засылка людей, не подпадающих под действие постановления СНК СССР за № 775/146с от 20 апреля 1933 года; после прибытия эшелонов к месту назначения иногда выясняется, отмечал Берман, что среди высланных имеются рабочие, комсомольцы, иностранцы¹³.

У вновь прибывавших в «кулацкую ссылку» показатели рождаемости и смертности всегда были значительно худшими, чем у относительных «старожилов». Например, 1 января

1934 года в составе 1 072 546 спецпереселенцев было 955 893 «старожила» (поступившие в «кулацкую ссылку» в 1929—1932 годах) и 116 653 «новосела» (поступившие в 1933 году). Всего за 1933 год в «кулацкой ссылке» родилось 17 082 и умер 151 601 человек, в том числе у «старожилов» — соответственно 16 539 и 129 800, у «новоселов» — 543 и 21 801 человек¹⁴. Если у «старожилов» в течение 1933 года умерло больше, чем родилось, в 7,8 раз, то у «новоселов» — в 40 раз!

Особенно велика была детская смертность. В докладной записке Г. Г. Ягоды от 26 октября 1931 года на имя председателя ЦКК ВКП(б) и наркома РКИ Я. Э. Рудзутака отмечалось: «Заболеваемость и смертность с/переселенцев велика... Месячная смертность равна 1,3% к населению за месяц в Северном Казахстане и 0,8% в Нарымском крае. В числе умерших особенно много детей младших групп. Так, в возрасте до 3 лет умирает в месяц 8—12% этой группы, а в Магнитогорске еще более, до 15% в месяц. Следует отметить, что в основном большая смертность зависит не от эпидемических заболеваний, а от жилищного и бытового неустройства, причем детская смертность повышается в связи с отсутствием необходимого питания»¹⁵.

Высокий уровень детской смертности входил в число главных причин отрицательного сальдо между рождаемостью и смертностью у спецпереселенцев. Например, в 1932 году в Хибиногорске (Кировске) Мурманского округа у спецпереселенцев родилось 420 и умерло 864 человека, причем среди умерших было 589 детей. Таким образом, в данном случае 68,2% общей смертности спецпереселенцев приходилось на детскую смертность. К середине 1935 года детская смертность резко снизилась. Так, в том же Кировске в 1935 году она понизилась у спецпереселенцев по сравнению с 1934 годом на 40%¹⁶.

Детская беспризорность в «кулацкой ссылке» вплоть до середины 30-х годов была обычным явлением. Только в трудпоселках «Заподолеса» (Западный Урал) в конце 1934 года было установлено 2850 детей-беспризорников, родители которых умерли или бежали¹⁷.

Таблица 2. Показатели рождаемости, смертности
и бегства спецпереселенцев (трудпоселенцев)
в 1932—1940 годах*

Годы	Родилось	Умерло	Бежало	Возвращено из бегов
1932	18 053	89 754	207 010	37 978
1933	17 082	151 601	215 856	54 211
1934	14 033	40 012	87 617	45 443
1935	26 122	22 173	43 070	33 238
1936	27 617	19 891	26 193	23 075
1937	29 036	17 037	27 809	17 384
1938	31 867	15 961	9 712	10 939
1939	33 716	16 691	7 345	8 290
1940	32 732	16 401	4 430	4 562
Всего за 1932—1940 годы	230 258	389 521	629 042	235 120

* ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 216.

Направление больших масс людей на спецпоселение — следствие государственной политики спецколониализации, т. е. освоения необжитых и малообжитых районов страны посредством насильственных переселений. В постановлении СНК РСФСР от 18 августа 1930 года «О мероприятиях по проведению спецколониализации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» указывалось:

«1. Возложить на Наркомзем РСФСР проведение земельного и хозяйственного устройства спецпереселенцев и их семей, занимающихся сельским хозяйством, в Северном и Сибирском краях и Уральской области.

2. Поручить ВСНХ РСФСР, НКторгу и другим хозяйственным органам, по соглашению с НКземом и Наркомвнутделом РСФСР, проведение устройства спецпереселенцев, используемых по линии промышленности и промыслов.

3. Признать необходимым при проведении спецколониализации:

а) максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остронуждающихся в рабочей силе районах, и

б) в сельском хозяйстве устраивать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах.

4. Поручить НКЗему РСФСР совместно с ВСНХ РСФСР, НКторгом и с соответствующими краевыми (областными) исполкомами и по соглашению с НКВД РСФСР разработать в соответствии с указаниями п. 3 настоящего постановления конкретные хозяйственные мероприятия по использованию спецпереселенцев»¹⁸.

При определении районов расселения специально выбирались места, откуда в силу природных условий побег был бы весьма затруднительным. Так, в одном из документов ПП ОГПУ Сибкрая от 25 апреля 1930 года отмечалось: «Изысканы и детально проработаны под расселение необжитые, отдаленные северные районы... при этом в принципе отвода районов расселения для каждого округа наряду с экономическими соображениями (пригодность их к с/х и промышленному использованию) также учтены были и моменты политического характера, в частности в отводе районов учитывались природные условия, гарантирующие невозможность бегства выселенных обратно (болота, реки, отсутствие дорог)»¹⁹.

В письмах спецпереселенцев чаще всего содержались сетования на свою несчастную судьбу, на проявленную к ним несправедливость. За последние 20 лет опубликовано много таких писем в различных изданиях. В частности, интересная подборка спецпереселенческих писем на имя М. И. Калинина с мольбой о помощи представлена в сборнике «Неизвестная Россия. XX век»²⁰.

Однако уже в 1930 году от некоторых спецпереселенцев к их родственникам и знакомым, не подвергавшимся выселению, стали поступать письма, в которых выражалась удовлетворенность своей жизнью и судьбой. Правда, их удельный вес в общем потоке спецпереселенческой корреспонденции был крайне незначителен. Так, по состоянию на 10 октяб-

ря 1930 года, Информационным отделом (ИНФО) ОГПУ было обработано 119 376 писем спецпереселенцев, из них только 622, или 0,52%, оказались с «положительным содержанием». Ниже мы приводим несколько выдержек из писем такого характера:

«...Слава богу, нужды никакой не видим. Живем очень хорошо, продуктов вдоволь, мяса и рыбы хватает, зарабатываем подходяще от 5 до 10 р. Вы пишете, что у вас скот контрактуют, но это необходимо: нужно рабочих кормить и скорее построить социализм, вы нас будете кормить, мы за это вам дадим апатит для удобрения земли...»;

«...В тундре мне больше нравится, чем дома. Шапку никому не приходится снимать и кланяться, и не боимся обложения, отработали 8 час. и все, советую всем ехать к нам, много можно заработать...»;

«...Мы живем хорошо, да и вообще кто сюда сослан, все хорошо живут.

Все работают кто что. К нам много высланных скобарей приехало в лаптях, а сейчас ходят в желтых туфлях, да в макинтошах, начинают жить уже по-городскому...»;

«...Вырабатываю в месяц 120 р., так что жить можно. Узнайте, если и вас высылают, то ничего, и в холодном краю можно жить. Приезжайте и не бойтесь...»;

«...Как нам пишете, что дома плохой урожай. Хорошо, что нас отправили сюда. Здесь мы живем очень хорошо, продукты получаем очень хорошие. Кроме того — дети получают детский паек...»²¹.

В «положительных» письмах спецпереселенцев проскальзывала идея о том, что доходы от заработка и премиальных рабочего-ударника выше прежних доходов от ведения кулацкого хозяйства. Но дело в том, чтобы стать ударником, надо было постоянно перевыполнять нормы выработки. А эти нормы были весьма непосильные (особенно на лесоразработках) почти для всех женщин (за редкими исключениями), да и далеко не каждый мужчина мог их выполнить, а тем более перевыполнить.

О том, что женщинам физически невозможно выполнить установленные нормы выработки на лесоразработках, отме-

чалось и в письмах спецпереселенцев. Так, в обзоре выдержек из документов высланного кулачества, подготовленном ИНФО ОГПУ по состоянию на 10 октября 1930 года, приводились выдержки из письма одной девушки-спецпереселенки, в котором имелись такие строки: «Сейчас зачли приказ, чтобы все от 15 и до 55 лет шли на работу, а кто не пойдет, тому не дадут паек, дадут принудиловки или посадят в тюрьму, а работа не под силу, я ходила кое-как, одну спилила, комары облепили все ноги, руки и лицо все очутилось в крови, и с лица текла кровь. Платят 43 к. за куб. м, на другой день все вспухло, на руках кровавые мозоли, и мы больше не пошли на работу, лучше пускай лишают пайка, сажают в тюрьму, но эта работа нам не под силу»²².

В отдельных областях спецпереселенцы стали превосходить по численности местное коренное население. Так, в 1929 году население Кольского Севера составляло около 27 тыс. человек (только постоянные жители), а спецпереселенцев в 1930—1935 годах поступило свыше 35 тыс. Это, однако, не означало, что спецпереселенцы стали составлять абсолютное большинство в населении указанной территории, так как одновременно со спецпереселенческим потоком шло еще более интенсивное прибытие добровольных переселенцев и вербованных: за 1930—1935 года около 45 тыс.²³. Таким образом, в 1935 году в составе населения Кольского Севера на первом месте по численности находились добровольные переселенцы и вербованные, прибывшие в 1930—1935 годах, на втором — спецпереселенцы, на третьем — местное население, проживавшее здесь до 1929 года.

В ряде северных и восточных районов РСФСР высланные кулаки составили серьезную «конкуренцию» местным жителям в работах, являвшихся для последних традиционными отхожими промыслами (лесоразработки, торфоразработки и др.). Так, в обзоре выдержек из документов высланного кулачества, подготовленного 3-м отделением ИНФО ОГПУ по состоянию на 1 июля 1930 года, приводилась выдержка из письма одного спецпереселенца, в котором говорилось о том, что местные жители «в селах сами голодные как собаки и прокли-